

16 Всероссийский конкурс исследовательских работ старшеклассников
«Человек в истории. Россия XX век»

История семьи в истории страны

Толстокоренко Николая Павловича (1885 – 1942гг)

Выполнил: Истомин Никита Константинович
Ученик 10 класса
МБОУ СОШ №144
Учитель: Грузинская Ольга Артемовна

Красноярск

Старая фотография

Передо мною тусклая фотография, переснятая со старой. На ней – мой прапрадед Толстокоренко Николай Павлович и его дети: Александр с женой Шурой, Николай, Петя, Ванечка, Федя и Варя. Фотограф заснял их у гроба матери, Евдокии Семеновны. Это было в 1941 году на прииске Широкая.

А через две недели не станет и Ванечки, страдающего от туберкулеза костей. И еще через год погибнет сам Николай Павлович. Его сын, Николай, уйдёт на фронт. Несовершеннолетние дети осиротеют.

Прииск Широкая находился в Читинской области, в Могочинском районе. Туда сослали в 1931 году людей, не желавших вступать в колхоз, сослали для добычи золота и молибдена. Этот прииск поставлял государству ценные металлы до 50-х годов, затем его закрыли. Старшее поколение в большинстве осталось на кладбище, а тех, кто выжил, отправили на другие прииски.

(фото 1)

Как это было

Историю своего деда, Толстокоренко Николая Павловича (1885 – 1942гг) и его детей, а также о своей причастности к этим событиям мне много раз рассказывала моя бабушка, Валентина Александровна (1943 г.р.). (фото 2). Поэтому почти все повествование записано с ее слов.

- Мой дед Николай Павлович овдовел в 1922 году. Жена, Аксенова Мария Федоровна, умерла сразу после родов, осиротив пятерых детей: Ваню, Сашу, Стёпу, Аню и новорождённого Колю. Малыша кормить было нечем. Ему жевали чёрный хлеб и давали сосать через марлечку, поэтому у него всю жизнь болел желудок. Ане было 8 лет, когда ей пришлось стать няней для Коли. Стёпу отдали дяде - Зиновию Павловичу. С 11 лет он помогал дяде и учился торговать в магазине. Ване и Саше пришлось оставить школу и помогать отцу в поле и по хозяйству.

Через два года дед женился во второй раз. Евдокия Семёновна Межуева привела в дом еще двоих детей - Ивана и Машу. От второго брака у них родились еще четверо детей: Петя, Варя, Федя и Ванечка (он родился уже в ссылке). Всего в семье было 11 детей, из них три Ивана. В одно время в семье насчитывалось 17 человек, когда ещё не отделилась семья старшего сына Ивана, и Александр привёл в дом жену – Александру Дмитриевну Дубровскую. Взрослые дети и родственники помогали Николаю Павловичу укрепить хозяйство. И оно стало поправляться. Он вступил в товарищеское общество и стал владеть 1/3 жнейки и 1/4 молотилки. Затем вместе с братьями и сестрой приобрел маслёнку, с помощью которой отжимали подсолнечное масло. В 1930 году старший сын отделился: ему старый дед Павел купил домик. Жить стало легче. Но тут и случилась беда: началась коллективизация.

Бабушка показывает мне справку из государственного архива.

Архивная справка

В документах Кошкинского райисполкома Средне-Волжского края, в протоколе №8 заседания Ульяновской Окружной тройки по пересмотру списков и жалоб лиц, лишенных избирательных прав при Кошкинском райисполкоме от 2 апреля 1930 г., значится: «Слушали: ... по Шпановскому с/совету: ... 31. Жалоба гр-на Толстокоренко Ник. Павл. (имя и отчество указаны сокращенно). Справка: Лишен в феврале 1930 г., как имевший масленку с применением наймного труда в течение полутора года. Хозяйство обложено индивидуально в размере 377 руб. Доходность от хозяйства 866 руб. Едоков 8 человек (поименно не указаны), 1/3 жнейки, ¼ молотилки. Постановили: Подтвердить правильность лишения избирательных прав гр-на Толстокоренко».

В тех же документах, в протоколе №1 заседания Оперативного Штаба по выселению кулаков из пределов края по Кошкинскому району СВК от 16 марта 1931 г. значится: «Слушали: 1. Рассмотрение социально-экономических характеристик на кулацкие хозяйства, подлежащие выселению за пределы края ... по Шпановскому с/совету ... 28. Толстокоренко Николай Павлович, членов семьи – 6». В постановляющей части стоит пометка – «утв.».

В именном списке лиц, лишенных избирательных прав по состоянию на 1 января 1933 г. по Шпановскому с/совету значится: «... 15. Толстокоренко Н. (указано сокращенно) 1888 г.р., жена Евдокия, 1888 г.р., сын Александр, 1907 г.р., сноха Ольга*, 1907 г.р., Все высланы».

В аналогичном списке по состоянию на 20/1-34 г. по Шпановскому с/совету значится Толстокоренко Н.П. (указано сокращенно), глава семьи, жена Евдокия, сын Александр, 1910 г.р., сноха

(имя не указано), 1910 г.р. Все выселены из Края (куда не указано).

В документах вышеуказанного фонда, а так же в документах Средне-Волжского крайисполкома, Самарского окрисполкома сведений о раскулачивании и конфискации имущества у семьи Толстокоренко Александра Николаевича и Толстокоренко Николая Павловича не обнаружено.

Документы Шпановского с/совета в госархив на хранение не поступали.

Основание: ф.Р-1262, оп.2, д.59, л.166; д.60, л.56; оп.3, д.1, л.10; оп.2, д.86, л.68.

*-имя так указано в документе.

Директор

Зам. нач. отдела

В.Г.Буевич

А.С.Рассказова

По этому документу видно, что протоколы «состряпаны» в большой спешке и с фактическими ошибками. Во-первых, наёмным трудом Николай Павлович никогда не пользовался, своих работников уже хватало. Во-вторых, даты рождения искажены. Александру Дмитриевну назвали Ольгой. В-третьих, ни в одном фонде не обнаружено сведений о раскулачивании и конфискации имущества у семьи Толстокоренко. Их не отправляли в Госархив на хранение. Лишь через 22 года семья узнала правду, кто был заинтересован в отправке нашей семьи на поселение.

Из воспоминаний Александры Дмитриевны (1912-2001гг)

- Когда мне было 16 лет, у нас случился пожар. Сгорело всё: дом, хозяйственные постройки, скот. Мои родители и мы с сестрой стали жить у брата, а у него своя семья – 5 человек. Было тесно. Поэтому 1 января 1930 года я в 17 лет вышла замуж за Александра Николаевича и стала жить в доме свёкра. Свёкор не захотел вступить в колхоз, и в феврале их лишили

избирательных прав. Через год их выселили из дома и отправили за пределы края. Когда нас уже «упаковали» в товарный вагон, один из членов комиссии по раскулачиванию пытался «освободить» меня. Он кричал в рупор: «Молодая Толстокоренко, ты можешь остаться. Шура, останься, останься!»

Я знала этого парня, раньше он пытался ухаживать за мной, но я его отвергла. Он нацепил наган и мстил односельчанам. Через 22 года я из Сибири смогла выбраться в гости, и тогда этот мужчина признался мне, что вместо родственника отправил моего мужа. Он надеялся, что я останусь и выйду за него замуж. Но я не сошла с поезда и поехала с мужем.

Этот рассказ своей матери был записан Валентиной Александровной после реабилитации. Ранее она же записала воспоминания об этих событиях и своего отца, Александра Николаевича.

Воспоминания Александра Николаевича (1909-1982гг)

В феврале 1930 года мой отец, Николай Павлович, был лишён избирательных прав за отказ от колхоза. Хозяйство было описано и обложено непосильным налогом. Отец писал жалобу, но его просьба осталась неудовлетворённой. В марте рассматривался вопрос о выселении «кулаков» за пределы края на заседании Оперативного штаба. При голосовании два человека проголосовала за наше выселение, два были против и один воздержался. Вопрос остался открытым, была предложена еще одна кандидатура для выселения. Но в марте 1931 года нам объявили, чтобы собирались отец и я с женами.

Отец стал срочно решать, куда устроить детей. Помогли родственники. Было решено Колю и Федю оставить у старшего сына Ивана. Аню и Петю вызвался взять брат Зиновий Павлович. Варю согласились приютить Межуевы Иван и Маша, они жили отдельно, брат и сестра. Уже после отъезда родителей Маша погибнет (она упала с зарода сена на вилы, стоящие вверх зубьями). И Варю возьмёт Зиновий Павлович, у которого своих детей было семеро и братовых четверо. И никто из них не был обижен. (Зиновий Павлович погиб на фронте 3 марта 1942 года у деревни Берёзки Смоленской области).

Наступил день, когда в дом вошли вооружённые люди, и человек в военной форме сказал:

- Собирайтесь. Возьмите только самое необходимое, что сможете унести. Если есть золото, выкопайте и сдайте.

Узелки уже были собраны. Наступил момент прощания с детьми и родными. Это трудно передать... Евдокию Семёновну отливали водой. Она обняла своих младшеньких, и невозможно было отнять их у нее. И ещё никто не знал, что она беременна Ванечкой.

От нахлынувших воспоминаний Александр Николаевич больше не мог говорить. Это он рассказал в августе 1982 года, а через месяц его не стало. Он никогда не жаловался на свою судьбу и всегда мечтал, чтобы его дети получили хорошее образование.

Рассказ Александры Дмитриевны (продолжение)

-Раскулаченные семьи из Шпановки и других сёл Средне-Волжского края (ныне Самарская область) были направлены в Куйбышев (Самару) и размещены по тюрьмам. Прокуратура определила нам место спецпоселения – прииск Широкая Читинской области. До места поселения добирались месяц. Везли в товарниках, без окон, в страшной тесноте. Туалет – одно ведро на всех, часто переполненное, приходилось терпеть. По несколько дней поезд простаивал в тупиках. Наконец доехали до станции Ксеньевская, встретили нас вооружённые люди. Нам приказали сдать узелки в багажный сарай. Затем 40 километров нас вели через хребты, гольцы, покрытые неглубоким снегом, по которому краснела брусника, как капельки крови. К ночи добрались до прииска. Для нас были построены 2 – 3 барака. Поселили по 5 семей в каждую комнату. От страшной усталости мы вповалку улеглись прямо на пол и сразу уснули. А потом работали и спали посменно. Электричества не было, жгли лучины. Позже приспособили коптилки (фитилек в жире). Бани ещё не было. Началась вшивость, затем тиф. Хоронили ежедневно, иногда сразу по несколько человек. Всех: и женщин и мужчин – постригли наголо. У меня шаль не держалась на голове. Очень мучительно было без сменного белья, вот муж и решил сбегать в Ксеньевскую за узелком. Вечером, после работы на лесоповале, он окольным путём, по тропе, ушел и к утру добрался до багажного сарая. Получил узелок – и обратно в Широкую, 80 километров в два конца. Когда вернулся, его арестовали и посадили на смотровую вышку на трое суток. Каталажки еще не было, пришлось сидеть на ветру, на вышке.

Наконец, построили баню. Но мыла не было или его не всем хватило. Делали из берёзовой золы щелок и им мылись. Здесь же умудрялись

состирнуть бельё, его же использовали вместо мочалки. С первых же дней гоняли на лесоповал, нам выдали топоры и пилы «двуручки». Повалить дерево не просто и опасно для жизни. Были случаи, когда дерево валилось в одну сторону, а комель вдруг отбрасывало назад, травмируя людей.

Нас разбили на бригады. Одни – на лесоповале, другие строили бараки, третьи стали бить шурфы и доставать пробы, мыть золото. Постепенно посёлок разросся. Построили контору, клуб, конный двор, школу, два магазина, пекарню, детсад, амбулаторию. Разрешили строить свои домики и разрабатывать огороды.

Из рассказа Петра Николаевича (1925 год)

- В 1935 году отец прислал нам письмо из Широкой. Он писал, что построил свой дом, что у них родился Ванечка. Александр с женой работает на руднике Ключи, за 40 километров, у них уже две дочери – Люба и Вера. Отец просил Зиновия, чтобы с попутчиками отправил детей до Ксеньевской, а там он нас встретит. Летом нашёлся попутчик, и с ним отправили Колю и Федю. А через год Иван Межуев привез нас с Варей. Иван после смерти сестры Маши остался один и решил уехать к матери, возможно, устроиться на работу. Так мы оказались с родителями. Учились в школе, помогали по хозяйству. Отец работал на конном дворе, и ему приходилось отвозить начальство на далекие расстояния. Одежонка была ветхая, старенькая фуфайчонка совсем не грела. Обмороживал ноги и руки, заболели легкие, стал задыхаться. Ванечка любил лошадей, катался верхом. Однажды без присмотра залез верхом, и лошадь понесла его. Он упал с коня и сильно ушиб ногу. У него приключился туберкулез кости. Да и ревматизм его мучил. Осенью 1941 года его положили в больницу в п. Кудеча, а мать пошла пешком его попроведовать, но не дошла, умерла в дороге. А через 13 дней умер и Ванечка. Ему было лет 8 – 9. Через год отцу станет совсем плохо, и он скажет Феде: «Беги на рудник за Саней». Когда Федя вернулся с Александром, отец уже умер. Мы остались сиротами: я, Федя и Варя. Коля и Иван Межуев уже были на фронте.

Тогда начальство перевело семью моего брата Александра из рудника опять на прииск Широкая. У него семья была уже 8 человек. Ему дали жильё в бараке, где семья имела три комнаты и кухню. Меня же после семилетки определили вместо отца на конный двор возчиком. Я возил грузы из Ксеньевской. Зимой через хребёт 40 километров, где на возу, где пешком, чтобы не околеть. Федю после седьмого класса отправили в ФЗО, после него – на угольную шахту в Бугачачу. После армии он смог получить паспорт и

уехать в Ульяновск, куда с фронта вернулся Николай. Варя после всех этих бед стала задумываться над своей судьбой и помешалась. До конца жизни она очень страдала от своей болезни, долгое время ее держали в «сумасшедшем доме». Я остался совсем один в доме, который совсем недавно был полон родными. Тогда ко мне подселили Любу, мою племянницу, старшую дочь Александра, с ней было легче пережить горе.

Воспоминания Любови Александровны

ы (1933 г.р.)

- Основная работа на прииске – это добыча золота и молибдена. До 30го года здесь добывали золото китайцы, и золото «уплывало» за границу. Затем границу стали охранять, а китайцев не выпустили, им пришлось навсегда остаться в СССР. Золото добывали по речкам – Безымянке и Горбичанке. Летом, стоя в речке, черпали со дна песок и камни. Было простейшее приспособление – бутара, чем-то напоминающая носилки. На ней лежал коврик, на котором оседал золотой песок, иногда самородки, а камни, отмытые от песка водой из лейки, сбрасывались и увозились на тачке. Зимой, когда реки замерзнут, пробы добывали из шурфов, подвозили к бутаре и «бутарили», т.е. насыпали на коврик и промывали, двигая взад-вперед эти «носилки». Вода в реке ледяная даже летом. А зимой морозы ниже -40° и ветры. Одежонка никчёмная. Мы с отцом уходили пешком за 12 км на прииск Безымянка, неделю работали и жили в бараке, а на выходной возвращались домой. Мне было 14 лет. После первого дня работы у меня не разжимались ладони. Работа ужасно тяжёлая. Люди болели и умирали. Кладбище разрасталось. Наш отец старался не только сдать норму золота, но и перевыполнить. За стакан золотого песка давали 3 кг черной муки, надо было кормить своих детей, больную маму и бабушку. Нас у родителей было семеро. Пятеро родились на руднике Ключи, двое – в Широкой. На руднике Ключи была горная разработка золота. Нашли «золотую жилу». Была обогатительная фабрика, где золото обогащали, используя ртуть – очень вредный для здоровья металл. На фабрике у рабочих чернели зубы, появлялась гангрена. У нашего соседа из-за гангрены отняли обе ноги. Перед войной на рудник приезжал Калинин - «всесоюзный староста». Он интересовался условиями труда «спецов», продуктами, жильём. Вероятно, это было поручение Сталина. К его приезду условия значительно улучшились. В 1941 году к нам приехала бабушка, Дубровская Евгения Ивановна. Она с большим трудом получила в Иркутске пропуск в

«запретную зону», мотивируя тем, что с детьми некому сидеть, а родители добывают золото для страны. Баба Женя рассказала, что ее муж и сын бежали из села, спасаясь от преследований, и погибли в Астрахани. Бабушка вырастила нас, а в 1950 году вернулась на родину, в Шпановку, помочь дочери. Анна Дмитриевна писала: «Сегодня я похоронила уже третьего ребенка. Угонят утром на колхозную работу, а дитя не с кем. Привяжу его к ножке стола. Он весь день мокрый, голодный. Обмарается и наестся. Так один за другим заболели и умерли. Мама, помоги мне...» В 1943 году зимой мы вернулись в Широкую.

Воспоминания Валентины Александровны (1943 г.р.)

- Все мы скучаем по Широкой, по ее природе и людям, с которыми пережили трудные годы. Наш поселок находился между трёх гор, которые были названы в честь людей, поселившихся у подножий гор: Кидяева, Толстокоренкова и Силкина. Между ними – обширная поляна, через всю поляну проходила широкая улица. За эту улицу поселок и называли Широкой. Над центральной улицей возвышалась арка, выкрашенная красной краской и украшенная флажками. Здесь проходили митинги и собрания, слушали сводки с фронта. Вокруг посёлка – прекрасная природа. Весной горы становились лиловыми от цветущего багульника. Берёзы и лиственницы имели очень яркую зелень. Цветы сплошным ковром покрывали луга. Летом было полно всякой ягоды: жимолость сладкая (не горькая, как везде), земляника, костяника, моховка, смородина, голубика, брусника – везде в изобилии. Но не хватало посуды, во что ее собрать и запасти на зиму. Грибов тоже много. Особенно радовали сырые грузди, толстые, мохнатые, влажные; темно-коричневые маслята, каких не найдёте в других местах; красноголовики-подосиновики росли по сопкам. Но не в чем было их солить на зиму. В лесу было много зверей, особенно волков. Они нападали на скот и на людей. Помню случай, когда стая волков преследовала учительницу,

которая шла пешком на конференцию. Она подождала стог сена, и пока он горел, успела написать записку. Потом они расправились с ней. Самое яркое впечатление детства - это когда отец в 1945 году убил волка. Он поехал за сеном, а мы с нетерпением ждали, когда он привезёт нам «хлеб от зайчика». Это кусочек замерзшего хлеба, который отец брал с собою, но обычно оставлял нам. Отца долго не было. К ночи он вернулся и сказал:

- Посмотрите, какого я вам «зайчика» привез. Старшие выбежали. Отец снял с воза матерого волка. Это старый вожак, изгнанный стаей. В одиночку он уже не мог охотиться, вот и залег на начатый стог сена. Тут отец убил его бастриком (жердью). За его шкуру получил вознаграждение.

Другое яркое впечатление – День Победы.

Из Широкой на фронт уходила молодежь, дети «кулаков», многие не вернулись, а те, кто остался жив, вернулись искалеченные. Ваня Межуев погиб 10 октября 1944 года на территории Литвы. Коля был ранен в голову и вернулся уже на родину. Зиновий Павлович, два маминых брата и многие другие родственники погибли на фронте. День Победы просто врезался мне в память. Люди смеялись и плакали, гордились тем, что помогли одержать Победу. Они добывали дорогие металлы для страны, подписывались на облигации, добровольно уходили на фронт. Наши родители гордились тем, что дважды получали извещения: «Ваша облигация выиграла. Деньги ушли на оборону страны».

После Победы начальство прииска смягчилось. Уже не казался таим грозным директор прииска Ванчугов, всегда разъезжающий по приискам на своем коне. В выходные собирались на маёвки в лесу, накрывали «столы». Но чаще ходили на кладбище, поминали родных чёрными пирожками с картошкой. Репрессированные почувствовали какое-то послабление. Раза два в неделю в клуб привозили кино. В школе обучение велось строго. Самой любимой учительницей была Мария Антоновна Ожегова, учитель русского языка. Её муж, Гурий Осипович, был фельдшером. Это были очень хорошие люди, к ним обращались и днем и ночью за помощью. И, вероятно, от них мой брат Коля приносил книги, которые читал нам вслух. Обычно мы сидели на полу, сестра держала лучину, при свете которой он читал «Ночь перед Рождеством», «Кавказский пленник», «Записки охотника». Книги перечитывались много раз, так что мы их знали почти наизусть.

Постановление Совета Министров СССР от 29 сентября 1947 года.

- Осенью 1947 года до Широкой докатилась новость: вышло Постановление об освобождении со спецпоселения. Эта новость словно взорвала весь прииск. Начальство растерялось: как быть? Имеют ли они теперь право насильно заставлять работать тех, кто едва передвигал ноги. И многие сразу сориентировались: надо срочно уезжать. Понадобились подводы до станции. Люди бросали все, что нажито такими усилиями. Наши родители думали-думали, как поступить. Семья – 10 человек. Возвращаться некуда. Дом забрали под сельсовет еще в 1931 году. В колхоз идти не хотелось...

Пока люди думали, пришло негласное Постановление: никого не отпускать, распределить по другим приискам. Один мастеровой человек, Тураев Зиновий Иванович, уезжая первым, подарил нашей семье большой новый дом со всеми хозяйственными постройками, с погребом, колодцем, большим огородом. До 1950 года прииск еще существовал, но люди перебирались в Ксеньевскую и на рудник Ключи. Мы переехали в Ксеньевскую, где золото добывали драгой. Разобрали и перевезли из Широкой свой дом, поставили его на берегу речки Берёзовка.

После школы все дети разъехались, отец, Николай Александрович, умер. Дом до сих пор стоит, и мы иногда его навещаем, когда приезжаем в те места.

Из больной семьи Николая Павловича остался в живых только Пётр Николаевич, ему около 90 лет. В память о своих родных и о событиях тех лет младшее поколение поставило в Широкой огромный поклонный крест. Он стоит у тополя, что рос возле школы, а рядом проходит Федеральная дорога, пересекающая место бывшего поселения пополам. Мраморная плита напоминает людям о жертвах тоталитарного режима

Изучая историю нашей семьи, я вместе с бабушкой съездил на бывший прииск Широкая , в Ксеньевскую , Шпановку Самарской обл. , в Астрахань – везде , где живут наши родственники. Встретился с живыми свидетелями исторических событий в годы репрессий. Записал рассказы родных. Теперь я имею представление о том, как история моей семьи отражает историю нашей страны.